

Случай симуляціи душевнаго разстройства ¹⁾.

В. С. Болдырева.

Еще въ XVII-мъ столѣтіи Павелъ Закхій, главный медикъ Папской области, высказалъ, что „нѣтъ почти ни одной болѣзни, которая такъ легко симулируется и такъ часто бываетъ притворною, какъ умопомѣшательство и вмѣстѣ съ тѣмъ, нѣтъ ни одной болѣзни, которую такъ трудно распознать, какъ умопомѣшательство“ ²⁾. Разбирая такой взглядъ на основаніи данныхъ, существующихъ въ литературѣ относительно частоты симуляціи, нельзя остановиться на чемъ-либо опредѣленномъ: одни авторы, напр. Schüle ³⁾, почти абсолютно отрицаютъ притворное помѣшательство, другіе-же, напротивъ, указываютъ на то, что симуляція душевнаго разстройства встрѣчается не особенно рѣдко; ужъ если находятся люди, которые, желая избавиться отъ воинской повинности, прибѣгаютъ къ искалѣченію, увѣчатъ себя, причиняютъ себѣ нерѣдко жестокія страданія, иногда прямо опасныя для жизни, то тѣмъ болѣе извѣстнаго рода субъекты, инстинктъ самосохраненія которыхъ затронутъ несравненно глубже, склонны къ симуляціи какого-либо психоза; насколько каждый симулянтъ способенъ довести роль до конца, это другой вопросъ, но что пытаются симулировать сравнительно многіе—это фактъ, съ которымъ приходится считаться нерѣдко. Что-же касается легкости симуляціи, то достаточно привести мнѣніе Крафтъ-Эбинга ⁴⁾, чтобы дать надлежащую оцѣнку этому вопросу. Этотъ авторъ сравниваетъ симулянта съ актеромъ съ тою только разницею, что актеръ заучиваетъ готовую роль, а симулянтъ долженъ кромѣ того еще и

¹⁾ Сообщено въ научномъ собраніи врачей Казанской Окружной Лечебницы 1-го марта 1900 года.

²⁾ А. Лоранъ. О притворномъ умопомѣшательствѣ.

³⁾ Schüle. Руководство къ душевнымъ болѣзнямъ.

⁴⁾ Krafft-Ebing. Судебная психопатологія.

создавать роль; какъ импровизація душевнаго разстройства, такъ и выполненіе его требуютъ большаго умственнаго напряженія и если актеръ устаетъ послѣ нѣсколькихъ часовъ игры и требуетъ отдыха, то симулянтъ почти совсѣмъ не знаетъ отдыха: онъ долженъ непрерывно играть, ни на минуту не забывая, что за нимъ зорко слѣдятъ; онъ съ одной стороны всегда находится подъ вліяніемъ страха быть уличеннымъ въ притворствѣ, а съ другой стороны мысли его постоянно заняты предстоящимъ наказаніемъ въ случаѣ неудачнаго исхода симуляціи; находясь между этими двумя огнями, притворщикъ испытываетъ страшное напряженіе всѣхъ физическихъ и психическихъ силъ и поэтому неудивительно, что изнемогая, бываетъ не въ состояніи довести свою роль до конца; впрочемъ, какъ исключеніе, въ литературѣ упоминаются случаи, гдѣ симуляція длилась больше года и даже до 5 лѣтъ (случай Вернигье ¹⁾).

Если Закхій въ своемъ взглядѣ указываетъ на трудность распознаванія настоящаго умопомѣшательства, то распознать притворное, конечно, будетъ еще труднѣе. Правда, встрѣчаются случаи, гдѣ достаточно незначительнаго вниманія со стороны врача, чтобы открыть притворство, но въ нѣкоторыхъ случаяхъ это бываетъ чрезвычайно трудно; докторъ Лоранъ ²⁾ въ своемъ руководствѣ говоритъ, что „бываютъ случаи, когда очень умные и одаренные большою силой воли люди становятся въ необходимость притворяться умалишенными и тогда они приводятъ въ затрудненіе и даже сбиваютъ съ толку самыхъ проникательныхъ наблюдателей“. Должно все таки думать, что степень трудности находится въ тѣсной зависимости съ интеллигентностью испытуемаго, съ его умственнымъ развитіемъ: чѣмъ развитѣе, тѣмъ искуснѣе и тоньше онъ будетъ симулировать; стоитъ припомнить случай проф. Н. М. Попова ³⁾, чтобы убѣдиться въ этомъ. Изъ всѣхъ субъектовъ, по тѣмъ или другимъ причинамъ и соображеніямъ стремящихся симулировать душевное разстройство, наибольшее число падаетъ конечно на долю людей, обвиняемыхъ въ тѣхъ или иныхъ преступленіяхъ: тягость наказанія, грозящаго за преступленіе, и позоръ заставляютъ ихъ прибѣгать къ такимъ приемамъ, благодаря которымъ они такъ или иначе могли-бы укрыться отъ приговора или по крайней мѣрѣ добиться смягченія кары; особенно заслуживаютъ вниманія тѣ случаи, когда симуляція производится субъектомъ, имѣющимъ то или

¹⁾ Annales medico-psychologiques 1853 г. Цитировано по статѣ Н. М. Попова — случай притворнаго психическаго разстройства. Вѣстн. суд. мед. 1884 г.

²⁾ А. Лоранъ. — О притворномъ умопомѣшательствѣ, стр. 2.

³⁾ Н. М. Поповъ — случай притворнаго психическаго разстройства. Вѣстн. суд. мед. 1884 г.

иное специальное медицинское образование. Объ одномъ изъ случаевъ подобной категоріи я и намѣренъ доложить глубокоуважаемому собранію г.г. товарищей.

17-го іюня 1898-го года четырнадцатилѣтняя дѣвочка Василиса П., служившая нянькой за рублевое вознагражденіе въ г. Казани, въ Плетеняхъ, была нанята какимъ-то человѣкомъ, назвавшимся прикащикомъ купца Сахарова, на дачу послѣдняго тоже въ качествѣ няньки; условія были предложены очень заманчивыя, такъ что дѣвочка безъ особаго колебанія согласилась оставить старое мѣсто и пошла съ своимъ нанимателемъ къ новымъ хозяевамъ, проживавшимъ по его словамъ на дачѣ за Козьей слободой. Пройдя послѣднюю, прикащикъ завелъ дѣвочку въ казанскій городской общественный лѣсъ, гдѣ пользуясь глухостью и отдаленностью мѣста, повалилъ ее въ кусты, закрылъ ей ротъ платкомъ и изнасиловалъ ее, бросилъ одну въ лѣсу, а самъ скрылся. Дѣвочка кое-какъ добралась до своей матери, жившей въ Адмиралтейской слободѣ, и рассказала о томъ, что съ нею случилось; мать сообщила объ этомъ полиціи, которая и принялась за розыски преступника. Послѣдній былъ розысканъ 21-го іюня и оказался вовсе не прикащикомъ вымышленнаго купца Сахарова, а запаснымъ медицинскимъ фельдшеромъ Иваномъ Л., проживавшимъ въ Казани безъ опредѣленныхъ занятій. Онъ тутъ-же рассказалъ, что онъ искалъ дѣвушку для совокупленія и просилъ кухарку К. найти ему таковую; кухарка К. предложила ему Василису, за что и получила отъ него 50 коп. Онъ дѣйствительно завелъ обманомъ дѣвочку въ лѣсъ, но совокупленія съ нею не совершалъ, а поваливши на землю, разорвалъ ей дѣвственную плеву двумя пальцами; по его словамъ онъ и не могъ тогда совершать половыхъ сношеній, такъ какъ имѣлъ болѣзни: „триперъ, шанкеръ и бобоны“. Спустя 4 дня послѣ перваго показанія на новомъ допросѣ онъ передалъ обо всемъ совершенно иначе. По его словамъ кухарку К. онъ не только не просилъ искать ему дѣвушку для совокупленія, но даже и не зналъ ея совершенно до этого случая; съ Василисой-же онъ знакомъ былъ и раньше и пришелъ къ ней по ея-же просьбѣ, такъ какъ она не разъ будто-бы выражала желаніе прогуляться съ нимъ; въ то время когда она ушла одѣваться, ему попала въ кухарка К., которая спросила, что ему нужно; чтобы не вызвать подозрѣнія, онъ и сказалъ, что ищетъ прислугу на дачу Сахарова, а когда вышла Варвара и отправилась съ нимъ, то вслѣдъ имъ кухарка К. сказала: „знаю, куда вы идете—гулять, а не на мѣсто“; видя, что она догадалась, въ чемъ тутъ дѣло, Л. далъ ей 50 коп., чтобы она ничего не говорила хозяевамъ. Далѣе онъ передалъ, что дѣйствительно они дошли до Кижицкаго монастыря, гдѣ у забора и расположились выпить захваченные имъ пиво и водку. Когда все выпили, то около 9 часовъ вечера верну-

лись домой. Тутъ онъ рѣшительно заявилъ, что совершенно не имѣлъ намѣренія совокупляться съ Василисой, тѣмъ болѣе, что былъ боленъ такими болѣзнями, на которыя онъ указывалъ и раньше на первомъ допросѣ. Отъ своего первого показанія наотрѣзъ отказался, ссылаясь на то, что былъ тогда пьянъ и ничего не помнитъ; между тѣмъ Василиса на допросѣ заявила, что Л. предлагалъ ей 200 руб. съ тѣмъ, чтобы она прекратила дѣло.

Врачебная экспертиза констатировала какъ фактъ нарушенія у Василисы цѣлости дѣвственной плевы, такъ и зараженіе сифилисомъ; то и другое по мнѣнію экспертовъ совпадало съ моментомъ преступленія, виновникомъ котораго по всѣмъ уликамъ являлся Л.

Л. былъ помѣщенъ 23-го іюня въ тюрьму и находился въ тюремной больницѣ, гдѣ лечился отъ трипера и впослѣдствіи открывшагося сифилиса. Въ тюрьмѣ онъ пробылъ болѣе 3 мѣсяцевъ и въ послѣднее время своего пребыванія сталъ обнаруживать безпокойство, раздражительность, отказывался отъ пищи, давалъ бессмысленные отвѣты на вопросы; такое состояніе его и заставило прокуратуру помѣстить Л. 14-го октября 1898 года въ Казанскую Окружную Лечебницу на испытаніе, при чемъ прокуратурой врачебному персоналу лечебницы по поводу испытываемаго предложены были слѣдующіе вопросы: 1) въ какомъ состояніи душевной дѣятельности испытываемый былъ во время совершенія преступленія, т. е. не проявлялъ-ли онъ въ то время признаковъ душевнаго расстройства и 2) представляетъ-ли испытываемый въ настоящее время признаки душевнаго заболѣванія.

Изъ анамнестическихъ свѣдѣній, полученныхъ относительно Л., извѣстно, что отецъ его былъ запойный пьяница и за грабежъ былъ сосланъ въ Сибирь; Л. по словамъ матери въ десятилѣтнемъ возрастѣ болѣлъ горячкой; во время этой болѣзни его испугалъ отецъ—онъ лишился языка и въ теченіе 5 лѣтъ ничего не говорилъ. Л. поступилъ въ Москвѣ въ техническую мастерскую Набръ-Гольца и былъ тамъ до призыва на военную службу. Повинность онъ отбывалъ въ Западномъ краѣ, гдѣ остался по окончаніи службы, получивши званіе запаснаго медицинскаго фельдшера; тутъ-же онъ и женился; обзаведясь семьей, поступилъ на Брестъ-Литовскую желѣзную дорогу машинистомъ, оставивъ профессію фельдшера, какъ менѣе доходную. Какъ жилъ Л. въ Брестъ-Литовскѣ, неизвѣстно, но года за 2 до преступленія онъ почему-то оставилъ жену съ дѣтьми и пріѣхалъ къ матери въ Казань, гдѣ почти не имѣлъ занятій, а предавался разгулу и пьянству.

При поступленіи въ Лечебницу у Л. можно было отмѣтить повидимому довольно рѣзкое пониженіе болевого чувства, мѣстами почти до полного отсутствія; термическое чувство также повидимому было уничтожено: только прикосновеніе пробиркой съ горячей водой

на различныхъ мѣстахъ кожи испытуемый опредѣлялъ словами „немного тепло“, прикосновенія-же снѣгомъ по его словамъ онъ совершенно не чувствовалъ; тактильное чувство было сохранено; рефлекторная возбудимость была рѣзко повышена. Какъ въ пальцахъ вытянутыхъ рукъ, такъ и въ мышцахъ языка наблюдалось дрожаніе; кромѣ всего этого было констатировано съуженіе твердаго неба.

Л. пробылъ въ Лечебницѣ $1\frac{1}{2}$ года. Первое время онъ представлялъ полную спутанность сознанія: говорилъ, что не знаетъ, гдѣ онъ находится, не могъ опредѣлить свой возрастъ, не въ состояніи былъ ориентироваться во времени, какъ-бы не понималъ, кто его окружаетъ, хотя въ случаѣ нужды зналъ, къ кому и зачѣмъ ему нужно обратиться: къ надзирателю, служителю, или къ ординатору. Приблизительно въ теченіе первыхъ двухъ мѣсяцевъ онъ жаловался на присутствіе обмановъ органовъ чувствъ: слышалъ музыку, пѣніе, видѣлъ свою сожительницу Домну, которая по его словамъ часто приходила къ нему по ночамъ, бесѣдовала съ нимъ, жаловалась на свои муки въ темницѣ; одно время по словамъ Л. его ужасно пугали какіе-то черные люди, приходившіе къ нему въ комнату: головы у нихъ были шире туловища, глаза большіе съ продольными щелями, „зрачковъ нѣту, а всѣ глаза точно кровью налились“; отъ этихъ чудовищъ онъ ограждалъ себя молитвой и крестомъ.

Что касается памяти, то испытуемый проявлялъ значительное ослабленіе ея: не могъ припомнить, когда поступилъ въ Лечебницу, гдѣ и когда служилъ до этого, не могъ послѣдовательно передать различныя событія изъ своей жизни, давая напримѣръ такія опредѣленія относительно времени: „не то весною, не то осенью, а можетъ быть и зимою“.

Испытуемый въ это время написалъ нѣсколько писемъ какимъ-то страннымъ своеобразнымъ почеркомъ, мѣшая русскія буквы съ латинскими.

Сонъ на первый взглядъ былъ рѣзко разстроенъ: испытуемый очень плохо спалъ ночи, но впослѣдствіи было замѣчено, что онъ достаточно спалъ днемъ.

Съ больными Л. въ общеніе не вступалъ и былъ какъ-бы погруженъ въ самого себя: былъ молчаливъ, задумчивъ, съ ординаторомъ рѣдко когда самъ заговаривалъ.

Несмотря на такое психическое состояніе и видимую подавленность настроенія, Л. не только не падалъ въ вѣсѣ, но напротивъ довольно замѣтно прибывалъ.

Только спустя 2 мѣсяца послѣ поступленія въ Лечебницу испытуемый сталъ какъ-бы приходить въ себя, могъ связно рассказывать кое-что изъ своей жизни, но и тутъ какъ-будто ему стоило

большихъ усилій припомнить то, что съ нимъ было, указать, напр., давно-ли онъ находится въ Лечебницѣ; онъ даже не выразилъ удивленія, зачѣмъ онъ попалъ сюда, не поинтересовался узнать, въ чемъ заключалось его заболѣваніе и если и передавалъ кое-что, то только тогда, когда ему напоминалось что-нибудь, напр., изъ галлюцинаторныхъ явленій; бредовыя-же мысли и нелѣпыя фразы, произнесенныя имъ за періодъ пребыванія въ Лечебницѣ, онъ абсолютно отрицалъ, говоря, что не можетъ быть, чтобы онъ могъ такъ говорить; рукописи, о которыхъ упоминалось выше, не признавалъ за свои, подписи въ различныхъ мѣстахъ слѣдственного дѣла различными почерками также не признавалъ своими и высказывалъ подозрѣніе, что это кто-либо росписывался, поддѣлываясь подъ его руку. При разспросахъ о самомъ преступленіи испытуемый сначала твердилъ все, что на него наговорили, а потомъ уже не отрицалъ возможности совершенія его, указывая на то, что „все могло случиться по пьяному дѣлу“, но какъ это могло съ нимъ случиться и какъ происходило, онъ твердилъ, что ровнымъ счетомъ ничего не помнить; не помнить, какъ производилось слѣдствіе, какія показанія онъ тогда давалъ и т. д., зато все, что было раньше преступленія и что не касалось его, онъ могъ рассказать довольно послѣдовательно и подробно, припоминая такія детали, безъ которыхъ можно-бы было и обойтись; при этомъ въ разговорѣ о преступленіи онъ всегда старается свести бесѣду на что-либо другое, лишь-бы только отвлечь вниманіе собесѣдника отъ этой темы, при чемъ и мимика и движенія представляютъ выраженіе какъ-бы невинности въ содѣянномъ и не вяжутся съ разговоромъ, который испытуемымъ старательно направляется лишь на постороннія детали прежней жизни, служебной обстановки и т. под.

Нравственный обликъ испытуемаго при дальнѣйшемъ его пребываніи въ Лечебницѣ еще болѣе выяснился: совершивъ какой-либо проступокъ, Л. никогда не сознавался въ немъ, а всегда ссылаясь на свою неспособность дѣлать дурное, на незнаніе и несмотря на явныя улики, представлялъ собою незаслуженно обвиненнаго, угнетенную невинность. Чтобы не упасть во мнѣніи администраціи Лечебницы, онъ на глазахъ служащихъ велъ себя очень скромно, но лишь только замѣчалъ ослабленіе надзора, сейчасъ-же совершалъ какой-либо проступокъ и опять оправдывался, опять ссылаясь на незнаніе, а самъ потихоньку грозилъ тѣмъ, которые рассказали о его непозволительныхъ поступкахъ.

Не зная съ одной стороны подробностей преступленія и наблюдая испытуемаго чисто объективно, лишь какъ могущаго быть душевно-больнымъ, тѣмъ болѣе, что душевное расстройство у него проявилось уже въ самой тюрьмѣ, а съ другой слушая рассказы и заявленія испытуемаго о предшествующемъ злоупотребленіи алкоголемъ,

о несчастіяхъ въ семейномъ положеніи, неудачахъ въ жизни, о тѣхъ видѣніяхъ, которыя представлялись ему въ Лечебницѣ; по первому впечатлѣнію можно было думать о дѣйствительности подобныхъ явленій и субъектъ даже вызывалъ нѣкоторое сочувствіе со стороны врачебнаго персонала. Однако обращало на себя вниманіе отсутствіе должнаго соотвѣтствія между поведеніемъ больного и психическимъ его состояніемъ (явленія, подобные случаю Н. Я. Смѣлова ¹⁾ и еще болѣе пришлось убѣдиться въ отсутствіи поступковъ и дѣйствій, свойственныхъ душевно-больному въ то время, когда испытуемый былъ вызванъ на освидѣтельствованіе къ судебному слѣдователю, гдѣ экспертомъ былъ какъ разъ одинъ изъ врачей Лечебницы: испытуемый, прекрасно знавшій этого врача, раньше бесѣдовавшій съ нимъ, говорившій съ нимъ обо всемъ наканунѣ своимъ обычнымъ тономъ, тутъ вдругъ быстро подбѣгаетъ къ нему, ухарски трясетъ его руку, представляетъ какъ-будто онъ съ нимъ въ большихъ пріятельскихъ отношеніяхъ, такъ-же обращается фамиллярно и къ судебному слѣдователю, болтаетъ наборъ словъ, но все это безъ всякаго соотвѣтствія съ данными душевнаго чувства. Въ послѣдующемъ проявленіи жизнедѣятельности испытуемаго при болѣе тщательномъ наблюденіи и объясненіи съ нимъ по существу онъ пересталъ уже заявлять о различныхъ грозныхъ и страшныхъ видѣніяхъ, но въ то-же время довольно рельефно сталъ проявляться упадокъ нравственныхъ понятій и представленій, стало замѣчаться стремленіе подговорить больныхъ создать какой-нибудь комplotъ, сдѣлать ч.-н. непозволительное и въ то-же время при служащихъ самому быть въ сторонѣ, а за глазами произносить брань и угрозы чуть не по адресу всѣхъ.

Представивъ болѣе или менѣе подробныя данныя въ проявленіи душевной дѣятельности испытуемаго за все время его пребыванія въ Лечебницѣ, постараемся теперь проанализировать нѣсколько тѣхъ какъ-бы ненормальности въ психической сферѣ его, которыя изложены нами выше.

Прежде всего нами указано было, что у испытуемаго наблюдалась глубокая спутанность сознанія времени, мѣста, собственной личности и окружающей обстановки; эта спутанность имѣла ту особенность, что Л., совершенно не разбираясь въ окружающей обстановкѣ, тѣмъ не менѣе хорошо зналъ, напримѣръ свою постель, дорогу въ клозетъ, въ столовую, свое мѣсто за столомъ; онъ повидимому различалъ ординатора отъ надзирателя, послѣдняго отличалъ отъ служителя.

Еще большее несоотвѣтствіе приходится отмѣтить между обманами органовъ чувствъ и поведеніемъ испытуемаго. Было замѣ-

¹⁾ Н. Я. Смѣловъ. Случай притворнаго слабоумія. Невролог. вѣстн. 1897 г.

чено, что у Л. почти не измѣнялось выраженіе лица: оно было постоянно одно и тоже, а между тѣмъ онъ передавалъ такія ужасныя картины, рисовавшіяся ему, что трудно представить себѣ, чтобы въ подобныхъ случаяхъ дѣйствительно больной могъ ограничиться только тѣмъ, что прикрывалъ себя потихоньку одѣяломъ и выглядывая изъ-подъ него крестился, какъ это дѣлалъ нашъ испытуемый, когда къ нему являлись страшные люди, чтобы съѣсть его; онъ ни разу не крикнулъ, не позвалъ кого-либо на помощь, не искалъ защиты въ подобныхъ случаяхъ; мало того, галлюцинаторныя явленія у Л. по большей части были какъ разъ тогда, когда за нимъ никто не наблюдалъ; правда, онъ и въ присутствіи врача отдѣленія указывалъ на то, что онъ слышитъ оркестровую музыку за стѣной, но и тутъ должно замѣтить, что это были только слова, но ни мимика, ни движенія не выражали ровно никакого реактивнаго чувства.

Что касается ослабленія памяти у испытуемаго, то онъ и въ послѣдніе дни пребыванія не помнилъ того, что болѣе или менѣе было связано съ его преступленіемъ, а все остальное припоминалъ отчетливо.

Въ разрѣзъ съ психическимъ состояніемъ шло физическое его состояніе и сонъ. Та сосредоточенность, необщительность, угнетенное настроеніе, сопровождавшееся обманами органовъ чувствъ устрашающаго характера—все это не подорвало питанія, напротивъ Л. ѣлъ хорошо и прибывалъ въ вѣсѣ. Плохой сонъ по ночамъ приходилось ставить въ зависимость отъ галлюцинацій, но когда было замѣчено, что Л. спитъ днемъ, а часть ночи бодрствуетъ и когда на это было указано ему, то и по ночамъ появился сонъ уже вполне удовлетворительный.

Приглашенный въ собраніе врачей Лечебницы уже въ то время, когда онъ какъ-бы выздоравливалъ отъ бывшаго у него душевнаго разстройства, Л. продолжалъ держаться такъ-же, какъ и въ отдѣленіи и только присутствіе такого *cousilium*'а очевидно повліяло на него въ томъ смыслѣ, что онъ сталъ давать болѣе сбивчивыя и противорѣчивыя показанія и опять, лишь заходила рѣчь о преступленіи, онъ ссылаясь на свое обычное „я не знаю, я не помню“, все-же до преступленія и обстоятельства, не стоящія въ тѣсной связи съ преступленіемъ онъ настолько помнилъ хорошо, что рассказывалъ о нихъ довольно подробно, стараясь именно на нихъ-то и остановить вниманіе разговаривающаго съ нимъ. Пониженіе чувствительности держалось все время, только къ концу было выражено не такъ сильно, какъ вначалѣ. Это явленіе съ одной стороны можно отнести конечно къ признакамъ дегенерачіи даннаго субъекта, а съ другой—безъ сомнѣнія и къ проявленію той силы

воли и самообладанія, которыя имѣлись у Л. въ достаточной степени при изслѣдованіи.

Такимъ образомъ въ представленномъ нами случаѣ должно принять во вниманіе слѣдующее: 1) несоотвѣтствіе между психическимъ разстройствомъ и проявленіемъ его въ поступкахъ и дѣйствіяхъ; 2) отсутствіе соотвѣтствующей реакціи душевнаго чувства; 3) быющую въ глаза дѣланность якобы ненормальнаго поведенія при освидѣтельствованіи у судебнаго слѣдователя; 4) послѣдующее поведеніе испытуемаго съ данными значительнаго пониженія нравственныхъ началъ; 5) стараніе во что-бы-то ни стало уклоняться отъ непосредственной темы разговора заявленіемъ о незнаніи, забывчивости и пр., явленіе—про которое уже Касперъ ¹⁾ говорилъ, что „слѣдуетъ подозрѣвать притворство всякій разъ, когда субъектъ показываетъ, что совершенно не помнитъ дѣйствія, въ которомъ его обвиняютъ, но при этомъ сохранилъ отчетливо воспоминаніе о другихъ фактахъ“ наконецъ 6) прекращеніе испытуемымъ дальнѣйшаго проявленія обмановъ органовъ чувствъ, разстройства сна и пр., когда испытуемымъ было замѣчено въ этомъ отношеніи недовѣріе со стороны окружающихъ.

На основаніи всего вышеизложеннаго относительно испытуемаго Л. наблюдавшимъ его врачомъ было дано заключеніе такого рода: 1) обстоятельства дѣла, свидѣтельскія показанія и пр. не даютъ ничего, что-бы говорило за то, что у испытуемаго Л. наблюдалось душевное разстройство во время совершенія преступленія; 2) какъ одинаково и за время пребыванія испытуемаго въ Лечебницѣ послѣдній не проявлялъ признаковъ душевнаго заболѣванія, но лишь старался его симулировать.

13-го апрѣля 1899 года испытуемый Л., по распоряженію прокурорской власти былъ переведенъ въ тюрьму.

Разумѣется очень возможно, что Л. какъ бывшій военный фельдшеръ, сталкивавшійся несомнѣнно во время своей службы въ госпиталѣ со случаями душевнаго разстройства, а можетъ быть даже и видѣвшій удачные исходы симулированія его, сталъ изображать душевное разстройство, при томъ настолько успѣшно, что первые шаги его въ этомъ направленіи прошли незамѣченными и только спустя одинъ мѣсяцъ, когда очевидно, онъ уже утомленъ былъ своею ролью, онъ сбился и сталъ на болѣе шаткій путь уловокъ и наивныхъ отговорокъ.

По всей вѣроятности Л. задумалъ симулировать уже съ первыхъ дней ареста и только потому далъ первое показаніе болѣе подходящимъ къ правдѣ, что былъ застигнутъ врасплохъ; дальше онъ уже дѣйствовалъ съ извѣстною осмотрительностью и тактомъ

¹⁾ А. Лоранъ. О притворномъ умопомѣшательствѣ, стр. 67.

въ цѣляхъ достиженія освобожденія отъ наказанія; вотъ почему, нужно думать, онъ разными почерками и подписывался въ дѣлѣ послѣ допросовъ.

Дѣло разбиралось лѣтомъ 1899 года и здѣсь Л., изображая угнетенную невинность, приготовилъ и выучилъ рѣчь къ присяжнымъ, рѣчь, наполненную жалкими словами, направленную къ тому, чтобы всѣ приняли въ немъ участіе, какъ страдающемъ напрасно, въ эту рѣчь, доказывая свою невиновность, онъ вставилъ избитый анекдотъ о томъ, какъ трудно попасть тростью въ кольцо, которымъ водятъ по воздуху, тутъ-же онъ старался обратить вниманіе всѣхъ на его несчастную семью и мать, которую, какъ онъ плакался, „состарили не годы, а горе“; однако въ этой рѣчи нельзя было замѣтить и тѣни раскаянія, а напротивъ проглядывало лишь чувство ненависти къ той дѣвчкѣ, сидѣвшей тутъ-же, которой онъ привилъ такую тяжелую болѣзнь и которая продѣлала уже 3 курса специфическаго леченія.
